

К. В. Чистов

В. Я. ПРОПП: ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ

Для того чтобы осознать подлинный масштаб деятельности ученого, особенно крупного, нужна известная временная дистанция. Условия для объективной оценки возникают, когда спадает накал текущих дискуссий. Но даже если формальных, объявленных дискуссий и не было, возникают различные толкования признанной и влиятельной концепции, особенно если она формировалась постепенно или была реализована в исследованиях, публиковавшихся не сразу, а на протяжении определенного времени. Подобные толкования приводят иной раз не только к естественной вариантности понимания деталей или оттенков; они способны порождать легенды, не согласующиеся с реальными, достаточно известными фактами научной биографии ученого.

Так произошло и с В. Я. Проппом.

Владимир Яковлевич Пропп вошел в историю мировой филологической науки XX в. как один из наиболее значительных теоретиков и исследователей¹. Его книга «Морфология сказки» признана классическим образцом структурного анализа вообще и в особенности сказки. Идеи, сформулированные в этой книге, усвоены не только отечественной наукой; они оказали сильнейшее влияние на взгляды таких ученых, как А. Дандис, А. Ж. Греймас, М. Поп, П. Маранда, Л. Хонко, Ю. Пентикьянен, Т. Себеок, Р. Барт, К. Бремон, Ц. Тодоров и многие другие.

Один из крупнейших современных лингвистов Р. Якобсон и видный современный исследователь мифологии К. Леви-Стросс признали и приняли концепцию В. Я. Проппа и способствовали ее международной популярности². Перечисленные и многие другие ученые показали ценность метода В. Я. Проппа для анализа не только сказки и архаического мифа, но и других повествовательных жанров фольклора, даже европейской литературы XVIII—XIX вв. и, в конечном счете, для понимания структуры человеческого мышления вообще. Заметим, что в столь расширенной трактовке концепции В. Я. Проппа можно, разумеется, усмотреть определенные противоречия и преувеличения, которых опасался сам создатель столь популярной концепции³. Однако даже подобные

¹ Общую характеристику научной деятельности В. Я. Проппа и биографические сведения см.: Путилов Б. Н. Предисловие.— В сб.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976, с. 7—15; его же. Проблемы фольклора в трудах В. Я. Проппа.— В сб.: Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970). М.: Наука, 1975, с. 7—15. В этом же сборнике см. библиографию работ В. Я. Проппа, литературы о нем, а также переводов его публикаций на иностранные языки (с. 16—25).

² Подробнее см. Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки. В кн.: Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969, с. 139—158.

³ Приведем один пример. Л. Я. Гинзбург в книге «О литературном герое» справедливо отмечает: «В. Я. Пропп сочетал блистательную исследовательскую смелость с исследовательской осторожностью. В „Морфологии сказки“ он из огромного прорабо-

преувеличения весьма убедительно свидетельствуют о фундаментальности и продуктивности идей, положенных в основу концепции В. Я. Проппа. Не менее характерно также и применение его концепции в многочисленных экспериментах моделирования повествовательных текстов на ЭВМ⁴ и даже в практике детской литературы и исследований по детской психологии. Так, знаменитый итальянский детский писатель Д. Родари посвятил изложению «Морфологии сказки» несколько глав своей книги⁵.

Совершенно прав Б. Н. Путилов, констатирующий: «В. Я. Пропп был убежденным фольклористом, и одна из его заслуг перед наукой состоит в том, что он своей деятельностью в высокой мере способствовал самоутверждению фольклористики среди других гуманитарных наук и укреплению ее общественного авторитета и культурного значения»⁶.

Характерно, что даже представители фольклористических течений, достаточно далеких от идей В. Я. Проппа, считают для себя обязательным обсуждать его метод и его достижения, соглашаясь или не соглашаясь с ним. В качестве выразительного примера подобного рода можно назвать крупнейшего знатока и исследователя европейской сказки швейцарского фольклориста М. Люти. В четвертом издании его широко известной книги «Европейская сказка» появилось специальное приложение «Структурное изучение сказки». М. Люти не разделяет всех идей В. Я. Проппа, однако считает необходимым в новом издании

танного им материала сделал очень точные и немногословные выводы (а не наоборот, как это иногда бывает), и, распределяя тридцать одну сказочную функцию между семью сказочными ролями, Пропп вовсе не стремился распространить этот специфический для сказочного фольклора принцип на литературу в целом. Стоит применить, скажем, к роману XIX века этот механизм, чтобы разрушить в нем самое основное — повторяемость, предвидимость, прямое соотношение элементов. В романе, особенно психологическом, это соотношение является не только дифференцированным, усложненным по сравнению со сказкой, но качественно иным — неустойчивым, противоречивым, иногда до парадоксальности. Между свойствами персонажа и его функциями (поступками) включаются посредствующие звенья многочисленных мотивов и переменных этических оценок. Не случайно в книге «Logique du récit» К. Бремона для подтверждения своей концепции используются примерами из литературы архаической, фольклорной, во всяком случае предшествующей XIX веку, и даже широко привлекает басни Лафонтена» (*Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979, с. 38). О некоторых других, весьма, впрочем, характерных преувеличениях, см. *Е. М. Мелетинский*. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. Добавим, что, как правило, подобные эксперименты, как бы увлекательны они ни были, оказываются интереснее и убедительнее с точки зрения гносеологии, общих законов человеческого мышления, чем для эстетической теории или истории литературы. В этом, видимо, их основное достоинство и в равной мере основной недостаток. Сам В. Я. Пропп так писал о возможностях расширительного применения выводов, к которым он пришел в «Морфологии сказки»: «...они отнюдь не ошибочны, они только не имеют того универсального значения, которое хотел бы им придать мой уважаемый критик (*К. Леви-Стросс*. — *К. Ч.*). Метод широк, выводы же строго ограничиваются тем видом фольклорного повествовательного творчества, на изучении которого они были получены» (Структурное и историческое изучение волшебной сказки. — В сб.: *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность, с. 137).

⁴ См., например, исследования, опубликованные в 1980 г. в Советском Союзе: *Кербелите Б. П.* Методика описания структур и смысла сказок и некоторые ее возможности. — В сб.: Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М.: Наука, 1980, с. 48—100; *Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А., Семенова Е. Т.* Порождение структур волшебных сказок. М., 1980. 20 стр. (Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика»).

⁵ *Родари Д.* Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй. М., 1978. Не исключено, что Д. Родари натолкнуло на создание этой весьма примечательной книги не только чтение «Морфологии сказки», переведенной в 1966 г. на итальянский язык, но и статья В. Я. Проппа, написанная специально для этого издания, о которой мы еще будем говорить и в которой он мог прочесть следующую фразу: «Мало того, исходя из схемы, можно самому сочинять бесконечное количество сказок, которые все будут строиться по тем же законам, что и народные» (цит. по: *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность, с. 145).

⁶ *Путилов Б. Н.* Проблемы фольклора в трудах В. Я. Проппа. — В сб.: Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа. с. 9.

рассмотреть его концепцию. По его убеждению, она оказала сильнейшее влияние на международное сказковедение 1960-х и 1970-х годов⁷.

М. Люти не случайно говорит о фольклористике 60—70-х годов. Мировую известность «Морфология сказки», действительно, приобрела с конца 50-х годов, и значительную роль в этом сыграл первый перевод ее на английский язык, появившийся только через 30 лет (в 1958 г.) после публикации книги на русском языке. Почему же она не стала популярной раньше? Что же этому мешало?

Ответ на этот вопрос, так, как он был сформулирован некоторыми авторами, писавшими о В. Я. Проппе, привел к появлению целого ряда легенд, связанных с его именем и его книгами⁸. На них мы и остановимся, так как объективная оценка значения научной деятельности В. Я. Проппа без их преодоления невозможна. Мы, вместе с тем, не будем пересказывать содержание основных работ В. Я. Проппа о сказке. Они доступны читателю.

Так, одна из легенд заключается в том, что международной известности В. Я. Проппа в 30—50-х годах будто бы препятствовал главным образом «языковой барьер», или, проще говоря, недостаточное знакомство западноевропейских и американских исследователей с русским языком. Разумеется, это обстоятельство играло определенную роль (ср. традиционное и до сих пор еще не вполне преодоленное в фольклористике «*gossica non leguntur*»). Оно сужало возможности ознакомления западноевропейских ученых с достижениями русской фольклористики⁹. Однако почему же этот «барьер» перестал существовать в 60-е и 70-е годы? Почему же именно в эти годы, а не раньше и К. Леви-Стросс, и А. Дандис, и М. Люти, и другие зарубежные ученые узнали книгу В. Я. Проппа и стали обсуждать ее? Разве они прочитали ее по-русски? Напомним о том, что в славянских странах, где многие ученые знали русский язык, книга В. Я. Проппа в 30—50-х годах тоже не пользовалась известностью и влиянием, которые она заслуживает. Напомним и о том, что в 20—30-х годах некоторые книги советских фольклористов и этнографов переводились на западноевропейские языки или издавались прямо на этих языках и были достаточно известны. Можно назвать Л. Я. Штернберга, В. Г. Тана-Богораза, Д. К. Зеленина, М. К. Азадовского, Н. П. Андреева и др. В. Я. Проппа среди них почему-то не было. Следовательно, дело далеко не просто в «языковом барьере».

Недоразумением является и попытка утверждать, что до 1958 г., т. е. до первого перевода «Морфологии сказки» на английский язык, западноевропейские и американские ученые якобы не только ничего не знали, но и не могли знать о В. Я. Проппе. Уже в 1929 г. сведения о его первой книге можно было найти в международной этнографической библиографии (*Internationale Volkskundliche Bibliographie*) и в специальной славистической библиографии (*Slavonic Collection*); вскоре после публикации «Морфологии сказки» о ней можно было прочитать в рецензии на немецком языке Д. К. Зеленина, ученого, достаточно популярного в те годы в Европе. В 1931 г. о ней писал такой известный и авторитетный на Западе исследователь, как Ян де Фриз, а в 1945 г.—

⁷ Lũthi M. Das europäische Volksmärchen. Form und Wesen. 4. Auflage. München, 1974, с. 115—121. См. также его рецензию на немецкий перевод «Морфологии сказки» (*Zeitschrift für Volkskunde*. В. 1973, 69. S. 291).

⁸ Созданию некоторых из них в немалой степени содействовала статья И. Г. Левина, содержащая недостоверные сведения. См.: *Levin I. Vladimir Propp. An Evolution on His Seventieth Birthday*.— *Journal of Folklore Institute*, v. 4, 1967, p. 32—49.

⁹ Западные европейские и американские ученые, к сожалению, так и не узнали, например, в достаточной мере работ А. Н. Веселовского (несомненно одного из величайших филологов второй половины XIX в. в Европе), которые могли бы оказать на зарубежное литературоведение и фольклористику столь же значительное влияние, как и на всю последующую русскую науку.

Р. О. Якобсон¹⁰. Кстати, еще менее обоснованы попытки утверждать, что «Морфология сказки» до 1958 г. будто бы была мало известна даже в Советском Союзе. О ней писали В. Н. Перетц, Д. К. Зеленин, Р. О. Шор¹¹, ее редактором был В. М. Жирмунский. Имена достаточно выразительные! О ней говорилось (хотя обычно неодобрительно) во всех учебниках и учебных пособиях 30—50-х годов. Могу свидетельствовать о том, что в предвоенные годы ее знал каждый студент ленинградских вузов, интересовавшийся фольклором.

Видимо, все-таки основную роль в своеобразной судьбе первой книги В. Я. Проппа играл не пресловутый «языковый барьер» или какие-либо факторы ненаучного характера, а общее состояние фольклористики, лингвистики и этнографии и у нас, и за рубежом, господство других школ и направлений, идеи которых до поры до времени не благоприятствовали активному восприятию «Морфологии сказки». Только интенсивное развитие общей лингвистики, теории информации, семиотики, социальной психологии, современной теории культуры, лингвистики текста и других родственных наук, приведших к развитию системных и структурных исследований, создало благоприятную почву для восприятия и широкого распространения концепции В. Я. Проппа, заставило вспомнить о ней. Она оказалась необходимой и была осознана как продуктивная. Можно без особенного преувеличения утверждать: если бы «Морфология сказки» была уже в конце 20-х годов переведена на один из западноевропейских языков, то она, вероятно, оставалась бы столь же мало влиятельной, как это было в Советском Союзе в 30—50-е годы. Популярность она и в этом случае приобрела бы также не раньше конца 50-х и начала 60-х годов¹².

У нас есть прямое свидетельство того, что именно так понимал своеобразный процесс «возрождения» его книги через 30 лет после ее выхода и сам автор. В статье, написанной для итальянского издания «Исторических корней волшебной сказки» (1966 г.), он писал: «Что же произошло и чем можно объяснить этот возродившийся интерес? В области точных наук были сделаны огромные, ошеломляющие открытия. Эти открытия стали возможны благодаря применению новых точных и точнейших методов исследований и вычислений. Стремление к применению точных методов перекинулось и на гуманитарные науки. Появилась структурная и математическая лингвистика. За лингвистикой последовали и другие дисциплины. Одна из них — теоретическая поэтика. Тут оказалось, что понимание искусства как некоей знаковой системы, прием формализации и моделирования уже предвосхищены в этой книге, хотя в то время, когда она создавалась, не было того круга понятий и той терминологии, которыми оперируют современные науки»¹³.

Другая легенда, связанная с именем В. Я. Проппа, менее распространена, однако о ней тоже следует упомянуть. Она не имеет хождения в

¹⁰ Zelenin D. Slavische Rundschau, 1929, № 4, S. 286—287; Vries de J. Over het Russische Sprookjesonderzoek der laatste Jaaren.— Mensch en Maatsschappij. V. 6, 1931, S. 330—341; Jakobson R. On Russian Fairy Tales, a Selection of Afanas'evs Folk Tales in English Translation. N. Y., 1945, p. 631—656.

¹¹ Указания на рец. Д. К. Зеленина см. выше; Перетц В. Н.— Етнографічний вісник. Київ, 1930, IX, с. 187—195; Шор Р. О.— Печать и революция, 1928, кн. 7, с. 192—193.

¹² Как отмечалось уже некоторыми исследователями (И. Г. Левин, М. Люти, О. Хольцапфель), одновременно с В. Я. Проппом сходные общие идеи о необходимости изучения сказки как цельной структуры формулировались немецким литературоведом Х. де Боором в статье «Изучение сказки» (1928), однако характерно, что и они, несмотря на отсутствие языкового «барьера» не обрели популярности (Boor de H. Märchenforschung. Zeitschrift für Deutschkunde, B. 42, 1928, S. 561—581; Boor de H. Warnung von einer bloß materialhäufenden Forschung.— Ibid., B. 47, 1933, S. 332—335 и. а.).

¹³ Русский вариант: Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки.— В сб.: Фольклор и действительность. Избранные статьи, с. 132.

Советском Союзе, но получила некоторую популярность за рубежом. Весьма туманные представления о развитии русской науки в XX в. заставляют некоторых авторов недоумевать: как сформировался в 20-х годах нашего века в России (которая представляется им, как это ни удивительно, пустынной в научном отношении) ученый, создававший уже в те годы столь современную концепцию? Так, автор пространной и содержательной статьи «Владимир Яковлевич Пропп. Жизнь, научная деятельность и ее значение» Р. Браймайер (ФРГ) пытался согласовать две крайности: «Was kann von Leningrad Gutes kommen?» (с. 37; т. е. «Что ждать интересного из Ленинграда?») и «Ex oriente lux» (там же, т. е. «Свет с востока») ¹⁴. Для того чтобы примирить эти два весьма характерных и традиционных преувеличения, Р. Браймайер вспоминает и немецкое звучание фамилии Пропп, и старое название города, в котором он жил, тщательно выписывает титулы немецких книг, на которые В. Я. Пропп ссылался, и изданных в России и Советском Союзе книг О. Вальцеля, В. Дибелиуса, К. Фослера, Л. Шпицера и др., полагая, что именно таким путем можно объяснить формирование метода и концепции В. Я. Проппа. Он, правда, упоминает, например, ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка) и «формальный метод», но главным образом для того, чтобы объяснить, как мог приобщиться В. Я. Пропп к современной ему европейской, преимущественно немецкой, науке. В действительности же эти факты, разумеется, свидетельствуют только о том, что русская наука 20-х годов ни в коей мере не была оторвана от развития мирового, в том числе и немецкого, литературоведения и фольклористики и вовсе не была провинциальной, как это предполагает автор статьи. С таким же успехом он мог бы обратить внимание на книги английских, французских и особенно русских авторов, которые цитирует или на которые ссылается В. Я. Пропп.

Разумеется, В. Я. Пропп формировался вовсе не в «безвоздушном пространстве» («im luftleeren innerrussischen Raum»). Факты, которые, казалось бы, решительно опровергают легенду о научном одиночестве В. Я. Проппа, в какой-то мере даже известны Р. Браймайеру, но он им как бы не доверяет. Так, он упоминает о том, что В. Я. Пропп в «Морфологии» несколько раз называет А. Н. Веселовского как ученого, который оказал на него особенно значительное влияние. Следовало бы добавить, что В. Я. Пропп, так же как многие фольклористы и литературоведы и 20-х годов и более позднего времени (В. Ф. Шишмарев, В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский и др.), при построении своих теорий считал важнейшей точкой отсчета именно «Историческую поэтику» А. Н. Веселовского ¹⁵. Вместе с тем характерно, что из западно-европейских ученых особенное внимание В. Я. Проппа в годы его работы над «Морфологией сказки» привлекали не немецкие сказковеды начала

¹⁴ Breymeyer R. V. Ja. Propp (1895—1970). Leben, Wirken und Bedeutsamkeit.—Linguistica Biblica, 1972, № 15/16, S. 36—78.

¹⁵ Подчеркивая общее значение работ А. Н. Веселовского в процессе формирования концепции В. Я. Проппа, отметим вместе с тем, что в «Исторической поэтике» дважды говорится о необходимости создания «морфологии сказки». При этом понимание этого термина весьма близко к принятому впоследствии В. Я. Проппом. Так, например, в главе «Сказочные схемы» раздела «Из лекций по теории эпоса» читаем: «Если свести в группы сюжеты мифа, сказки, средневековых эпических поэм, русских былин и т. д., то в результате получится нечто крайне ограниченное, получится материал далеко не богатый, а между тем в этих-то немногих группах и коренится все поразительное богатство сказок, объясняющееся простой комбинацией знакомых, простейших сюжетов. Было бы интересно сделать морфологию сказки (курсив мой — К. Ч.) и проследить ее развитие от простейших сказочных моментов до их наиболее сложной комбинации» (Историческая поэтика. Л., 1940, с. 455; ср. там же, с. 465, и др.). Систематический обзор идей, подготавливавших пропповское понимание структуры сказки в русской фольклористике, см. Савченко С. В. Русская народная сказка (История собирания и изучения). Киев, 1914, с. 16—24.

XX в., а Ж. Бедье и его идея расчленения в сказке стабильного и лабильного.

Р. Браймайер в упоминавшейся статье говорит о семинаре С. А. Венгерова, из которого вышли столь замечательные ученые, как например, Ю. Н. Тынянов, В. М. Жирмунский, Л. П. Якубовский и др., в том числе и В. Я. Пропп, и о том, что «Морфология сказки» была одобрена В. М. Жирмунским и именно им и была издана в серии «Вопросы поэтики» Государственного института истории искусств в Ленинграде. Если придать всем этим фактам их подлинное значение, уже они могли бы заставить усомниться в существовании в Ленинграде 20-х годов «безвоздушного пространства». Кроме того, следовало бы вспомнить и о других не менее значительных и не менее известных фактах, почему-то не упоминаемых Р. Браймайером — например, о значении русской лингвистики первых десятилетий XX в. (И. А. Бодуэн де Куртене, Н. С. Трубецкой, Московский лингвистический кружок, Л. В. Щерба и др.), о связи Пражского лингвистического кружка с русской лингвистикой, об органической связи так называемой «формальной школы» в литературоведении с развитием лингвистики и социальной психологии, о замечательных достижениях русского литературоведения этих лет (Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, М. М. Бахтин и др.), теории кино (С. М. Эйзенштейн) и др. Наконец, весьма показательно, что изучение проблем «морфологии» сказки, как понимал ее В. Я. Пропп в те годы, вовсе не ограничивалось в русской науке 20-х годов его книгой. В 1924 г. вышла в свет книга Р. М. Волкова¹⁶. В. Я. Пропп считал ее неудачной и полемизировал с ней, однако признавал ее ближайшее «соседство». Еще ближе к книге В. Я. Проппа были работы ленинградского фольклориста А. И. Никифорова, особенно его статья «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки»¹⁷. Она была написана в 1926 г., т. е. в том же году, когда В. Я. Пропп опубликовал в бюллетене Русского географического общества «Сказочная комиссия в 1926 году» предварительное сообщение о подготавливаемой им к печати книге. Статья А. И. Никифорова появилась в печати в 1928 г., т. е. одновременно с «Морфологией сказки» и примыкающей к ней статьей В. Я. Проппа «Трансформации волшебных сказок». Впоследствии В. Я. Пропп неоднократно подчеркивал, что Никифоров вполне самостоятельно и параллельно с ним пришел к идее изучения морфологии сказки. Он писал о нем с большим уважением и в 1961 г. издал в серии «Памятники русского фольклора» сборник себелнорусских сказок в записях А. И. Никифорова с большой вступительной статьей о нем¹⁸.

Наконец, следует упомянуть также об известной в европейской фольклористике тех лет статье «Фольклор как особая форма творчества», опубликованной в 1929 г. на немецком языке двумя русскими учеными, проживавшими в эти годы в Чехословакии, П. Г. Богатыревым и Р. О. Якобсоном. В ней также говорилось о функционально-структурном подходе к фольклору и шире к явлениям традиционной народной культуры¹⁹.

Можно назвать также целый ряд литературоведческих работ того времени, с которыми сближался, на которые опирался или с которыми полемизировал В. Я. Пропп в «Морфологии сказки». Так, в 1927 г. было

¹⁶ Волков Р. М. Сказка, разыскания по сюжетосложению народной сказки. Т. I. Сказка великорусская, украинская, белорусская. Одесса, 1924.

¹⁷ Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 172—178.

¹⁸ Самостоятельное значение идей А. И. Никифорова подчеркивали впоследствии Р. О. Якобсон, Е. М. Мелетинский, Г. Ясон и др., включая Р. Браймайера.

¹⁹ Bogatyrev P., Jakobson R. Die Folklore als besondere Form des Schaffens.— *Verzameling van opstellen door ond leerlingen en bevriende vakgenooten opgedragen aan mgr. prof. dr. Jos. Schrijen. Nijmegen — Utrecht, 1929, S. 900—913; ср. Богатырев П. Г. Фольклор как особая форма творчества.— В кн.: Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971, с. 369—382.*

опубликовано исследование М. А. Петрова «Морфология новеллы», а двумя годами раньше — очень важная в теоретическом отношении книга В. Б. Шкловского «О теории прозы». В ней автор специально касался некоторых проблем теории сказки. В. Я. Пропп в своей «Морфологии», как известно, цитировал В. Б. Шкловского, он присоединялся к его резкой критике квазигенетического изучения сказки, которое пыталось разрешить проблему происхождения сказки, расчленив ее на отдельные мотивы или сюжеты и не считаясь с общими законами ее сюжетосложения (ее «морфологии»). Вместе с тем он ставит своей задачей опровергнуть тезис А. Н. Веселовского: сказочные мотивы формируются по определенным законам, а сочетаются в сюжеты (или, как говорил Веселовский, «снуются» в сюжеты, употребляя метафорически очень выразительный ткацкий термин, ср.: «снуется основа») более или менее свободно²⁰. Показав, что утверждение В. Б. Шкловского: сюжет — «случайная последовательность мотивов», восходит к Веселовскому, В. Я. Пропп противопоставляет ему третий основной тезис своей книги: «Последовательность элементов, как мы увидим ниже, строго одинакова»²¹.

Проблема, затронутая нами, — связь концепции В. Я. Проппа с развитием русской и мировой науки 20-х годов — еще мало изучена фольклористами. Она, несомненно, представляет большой интерес. Однако само наличие этих связей не подлежит никакому сомнению. Это было очевидно и первому редактору «Морфологии сказки» В. М. Жирмунскому, и первым рецензентам книги: оно до сих пор не оспаривалось никем, кто знаком с русской филологией 20-х годов нашего века не по наслышке²².

В 1965 году на юбилейном заседании в честь 70-летия В. Я. Проппа В. М. Жирмунский еще раз выразительно говорил об этом. Одновременно он коснулся и еще одной из легенд, связанных с именем В. Я. Проппа, согласно которой его переход от структурного («морфологического», синхронного) изучения в «Морфологии сказки» к проблемам генезиса и истории (диахронии) в «Исторических корнях волшебной сказки» (1946 г.), т. е. второй его книге, произошел будто бы под влиянием критики «формализма» в литературоведении. Подобная легенда искажает не только процесс формирования и развития В. Я. Проппа как ученого, но и самую суть концепции сказки, созданной им. Поэтому на ней следует остановиться специально.

В действительности вторая книга В. Я. Проппа является органическим продолжением первой. В сущности, это единая двухтомная монография, которая могла бы получить название (если пользоваться современной терминологией) «Структура и генезис волшебной сказки»²³.

В. Я. Пропп считал, что исследование генезиса — это начало исторического осмысления сказки как жанра. В предисловии к «Историческим корням волшебной сказки» он писал: «Историческое изучение не может быть произведено сразу... Изучение генезиса есть первый шаг в этом направлении» (с. 6). В то же время для того, чтобы понять, как сказка возникла, надо изучить ее структуру, а затем дать ей историческое (точнее — историко-генетическое) объяснение. Для этого В. Я. Пропп из всего сказочного многообразия выбирает «собственно сказки», или

²⁰ Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов. Собр. соч. Т. 2, вып. 1. СПб., 1913, с. 3 и др.

²¹ Морфология сказки. Изд. 2-е, с. 25.

²² О влиянии этой книги на дальнейшее развитие науки см. Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976; Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976, и др.

²³ Позже в статье «Структурное и историческое изучение волшебной сказки» В. Я. Пропп писал: «Историческому объяснению в первую очередь подлежат не отдельные сюжеты, а та композиционная система, к которой они принадлежат. Тогда между сюжетами откроется историческая связь, и этим прокладывается путь к изучению отдельных сюжетов» (Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи, с. 139).

волшебные сказки. Волшебными он предлагает назвать сказки, подчиненные единому закону сюжетообразования или, иначе, имеющие единую (сходную) структуру. Очень важно (это едва ли не ядро концепции В. Я. Проппа), что генетической интерпретации подлежат, по его мнению, не отдельные мотивы и даже не отдельные сюжеты, а именно определенный тип сюжета, его исторически сложившаяся структура.

О том, что концепция В. Я. Проппа изначально была именно такова, свидетельствуют первые страницы книги 1928 г. Здесь говорится: «...о происхождении какого бы то ни было явления можно говорить лишь после того, как явление это описано» (с. 10). Или: «Ясно, что прежде, чем осветить вопрос, откуда сказка происходит, надо ответить на вопрос, что она собой представляет» (с. 10—11). Или иначе: «Предполагалось дать исследование не только морфологической, но и совершенно особой логической структуры сказки, что подготовляло историческое изучение сказки» (с. 8). Поэтому совершенно прав был Е. М. Мелетинский, писавший в послесловии ко второму изданию «Морфологии сказки» (1969): «В 20-х годах был очень силен интерес к проблемам художественных форм, в том числе и фольклорных; но только В. Я. Пропп довел изучение формы сказки до открытия ее структуры. Заслуживает внимания, что для В. Я. Проппа морфология как раз была не самоцелью, что он стремился не к описанию поэтических приемов самих по себе, а к выявлению жанровой специфики волшебной сказки с тем, чтобы впоследствии найти историческое объяснение единообразию волшебных сказок»²⁴. И далее Е. М. Мелетинский сообщает о чрезвычайно важном в интересующем нас смысле факте, о котором вспоминал В. М. Жирмунский на заседании, посвященном 70-летию В. Я. Проппа, в Ленинграде 26 апреля 1965 г.: «Рукопись, представленная автором в редакцию неперiodической серии «Вопросы поэтики» (издававшуюся Государственным институтом истории искусств), первоначально включала дополнительную главу с попыткой такого исторического объяснения. Впоследствии эта глава, не вошедшая в окончательный текст, была развернута в обширное фундаментальное исследование «Исторические корни волшебной сказки»²⁵. Насколько я помню, В. М. Жирмунский говорил при этом, что глава, о которой идет речь, тогда не была напечатана в составе «Морфологии сказки», так как он, как редактор, предложил автору подумать о превращении ее в отдельную книгу. В последующие годы В. Я. Пропп, действительно, предпринял широкое обследование этнографических материалов, которые могли оказаться необходимыми для генетической интерпретации структуры волшебной сказки. На это ушло почти десятилетие. С 1934 г. В. Я. Пропп начал публиковать отдельные заметки по проблемам генезиса сказки²⁶. К 1938 г. рукопись новой книги была готова в предварительном варианте. В 1939 г. была защищена в качестве докторской диссертации. Предполагалось ее издание, однако разразившаяся война заставила отложить осуществление этого замысла и книга была опубликована издательством Ленинградского университета в первый послевоенный год. Она получила название «Исторические корни волшебной сказки» (1946 г.).

Парадокс, породивший легенду, заключается в том, что, несмотря на ясную историко-генетическую цель, ради которой было предпринято

²⁴ Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки.— В кн.: Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е, с. 134.

²⁵ Там же.

²⁶ К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле).— Сов. этнография, 1934, № 1—2, с. 128—151; Мужской дом в русской сказке.— Уч. зап. ЛГУ, № 20, сер. филол. наук, вып. 1. Л., 1939, с. 174—198; Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне).— Уч. зап. ЛГУ, № 46, сер. филол. наук, вып. 3, 1939, с. 151—175; Мотив чудесного рождения.— Уч. зап. ЛГУ, № 81, сер. филол. наук, вып. 12, 1941, с. 67—97.

исследование «морфологии», несмотря на то, что свои намерения В. Я. Пропп не скрывал от читателей своей первой книги, значительную часть жизни его преследовали упреки в «формализме». При этом мы имеем в виду не только вульгарно-социологическую критику, вообще не признававшую необходимость изучения форм эстетической деятельности (или поэтики). Она действительно играла определенную роль в нашей литературной и научной жизни 30—40-х годов. Однако подобные упреки В. Я. Пропп слышал и от сторонников так называемой «исторической школы» в русской фольклористике, и от сторонников школы Азадовского — Соколовых, выдвигавших на первый план изучение деятельности исполнителей фольклора, проблемы поздней истории фольклора и т. д.

Я помню, что в предвоенные годы ученики М. К. Азадовского, руководившего кафедрой фольклора Ленинградского университета, по рекомендации своего учителя читали «Морфологию сказки» и хорошо знали ее, однако отношение к ней было сдержанно-критическим. Принято было формулировать оценку книги своеобразными метафорами, которые, кажется, не принадлежали М. К. Азадовскому, но имели широкое хождение среди многочисленных его учеников. Говорили, что В. Я. Пропп изучение архитектуры как искусства подменяет инженерным трактатом о несущих балках конструкции или изучение человека как живого организма — рентгеновскими снимками или рассмотрением скелета. По характеру наших тогдашних интересов и представлений мы не понимали сути задачи, поставленной В. Я. Проппом, и не способны были осознать (если даже оперировать теми же метафорами), что и история архитектуры не может ограничивать себя украшениями на фасаде зданий, она невозможна без инженерных проблем, как и изучение целостного организма без остеологии. Такое противопоставление не только не точно, но и бессмысленно. Думаю, что кроме всего прочего это было перенесением в сферу фольклора некоторых привычных и тем не менее теоретически ошибочных литературоведческих представлений. Разумеется, самые общие закономерности историко-литературного процесса или самые общие законы поэтики в их максимально абстрагированном выражении, как бы точно (адекватно) они ни были сформулированы, не способны сами по себе объяснить индивидуальные особенности творчества писателей или текстов литературных произведений. Но они на это и не направлены. Их познавательная функция иная. Однако это не значит, что изучение общих закономерностей бессмысленно, что оно должно противопоставляться исследованию отдельных явлений или наоборот. Специфика эстетической деятельности человека как раз и заключается в том, что общие закономерности реализуются в весьма индивидуализированных формах и научную ценность имеет изучение и тех и других. Альтернативное решение этой проблемы неверно даже для сферы индивидуального творчества. Тем более неверно такое противопоставление, когда речь идет о фольклоре.

Как это ни удивительно, в формализме упрекал В. Я. Проппа и один из виднейших структуралистов К. Леви-Стросс в знаменитой статье «Структура и форма. Размышления о книге Владимира Проппа», сыгравшей большую роль в привлечении внимания фольклористов мира к «Морфологии сказки»²⁷.

Очень высоко оценив идеи В. Я. Проппа, К. Леви-Стросс выражал удивление: почему он, начав столь блестяще, остановился на полпути и не предпринял дальнейших шагов как по структурному, так и историческому (или, точнее, историко-этнографическому) осмыслению открытых им закономерностей.

²⁷ Lévi-Strauss C. La structure et la forme. Réflexions sur un ouvrage de Vladimir Propp. — Cahiers de science économique appliquée, 1960, mars, № 60.

Не будем подробно пересказывать статью К. Леви-Стросса и тем более отвечать на его упреки. В. Я. Пропп сделал это сам в статье, опубликованной в итальянском издании «Морфологии сказки», где можно прочесть: «Проф. Леви-Стросс бросил мне перчатку, и я подымаю. Читатели «Морфологии» станут, таким образом, свидетелями поединка и смогут встать на сторону того, кого они сочтут победителем, если таковой вообще окажется»²⁸. И далее: «...проф. Леви-Стросс сообщает читателям, будто я, написав «Морфологию», затем отказался от формализма и морфологического анализа, чтобы посвятить себя историческим и сравнительным изысканиям об отношении устной литературы (так он называет фольклор) к мифам, обрядам и учреждениям»²⁹ (т. е. социальным институтам). В. Я. Пропп подчеркивает, что К. Леви-Стросс не говорит, какие это разыскания. Видимо, сведения были заимствованы из вторых рук (это могло быть, например, предисловие С. Пирковой-Якобсон к американскому изданию). К. Леви-Стросс почему-то не стремился узнать, каковы были результаты этих изысканий. Между тем он мог бы убедиться в том, что В. Я. Пропп задолго до него пошел по пути, сходному с тем, какой он предлагает в своих «Размышлениях». Как уже говорилось, в год выхода в свет «Морфологии сказки» появилась статья «Трансформация волшебных сказок», в которой анализируется механизм функционирования структуры волшебных сказок и его эволюция, а в 1946 г., т. е. за 14 лет до появления статьи К. Леви-Стросса, — книга «Исторические корни волшебной сказки». «Не зная всего этого, — пишет В. Я. Пропп, — проф. Леви-Стросс даже приписывает мне раскаяние, которое заставило меня отказаться от своих формалистических видений, чтобы придти к историческим разысканиям. Но я не испытываю никакого раскаяния и не ощущаю ни малейших угрызений совести»³⁰. В доказательство он называет свои книги «Исторические корни волшебной сказки» и «Русские аграрные праздники» (1963). Таким образом, как в 1928 г., так и в 1946 и в 1963 гг. В. Я. Пропп, по его убеждению, оперировал одним и тем же методом. Не считая его самоцелью, он предпосылает структурный анализ историко-генетическим исследованиям.

Можно было бы к этому добавить, что и позже В. Я. Пропп вовсе не думал отказываться от метода, разработанного им в «Морфологии сказки». Это подтверждается (кроме работ, названных им самим в ответе Леви-Строссу) также и статьей «Чукотский миф и гиляцкий эпос» (1945), в которой В. Я. Пропп стремился обнаружить единство «композиционной схемы» (т. е. структуры) народного героического эпоса для ее исторического объяснения, и статьей «Кумулятивная сказка», написанной в 1967 г. и прочитанной в качестве доклада в 1969 г., т. е. за год до смерти В. Я. Пропп не успел опубликовать ее при жизни; позже она вошла в сборник «Фольклор и действительность» (с. 241—257).

В архиве В. Я. Проппа обнаружена рукопись спецкурса «Русская сказка», который он читал студентам филологического факультета Ленинградского университета в первой половине 60-х годов и в котором концепция В. Я. Проппа была изложена в наиболее полном и завершенном виде³¹. Вместе с тем этот спецкурс — еще одно и очень выразительное подтверждение того, что понимание соотношения структурного и историко-генетического изучения сказки, сформулированное В. Я. Проппом

²⁸ Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки. — В сб.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи, с. 133.

²⁹ Там же, с. 137.

³⁰ Там же, с. 138.

³¹ В настоящее время спецкурс готовится издательством Ленинградского университета к изданию.

пом еще в 20-е годы развивалось им и в исследовательской, и в преподавательской деятельности до последних лет его жизни.

Мы не будем выяснять, чем историческая интерпретация структуры волшебных сказок В. Я. Проппом отличается от идей К. Леви-Стросса. Это особая и достаточно сложная тема. Нам важно было показать, что упреки как в «формализме», так и, с другой стороны, в отказе от первоначальной позиции были в равной степени незаслуженными. Структурный анализ, предложенный В. Я. Проппом задолго до того, как структурализм приобрел широкое распространение в мировой фольклористике и этнографии, не был по своей природе формалистическим в буквальном и точном смысле этого слова. Структурный метод В. Я. Проппа был изначально целенаправленным и теоретически обоснованным.

Что же касается вульгарно-социологической критики и ее влияния на развитие В. Я. Проппа как ученого, то следовало бы говорить о воздействии ее не столько на «Исторические корни волшебной сказки» (как мы уже показывали, его фактически не было), сколько на другую его книгу — «Русский героический эпос» (1955; 2-е изд. — 1958). Первоначальный замысел этой книги действительно претерпел деформацию.

В 1947—1948 гг. «Исторические корни волшебной сказки» подверглись довольно резкой и явно необоснованной публицистической критике. В научной печати эта книга почти не обсуждалась. Между тем она по своему характеру не могла не быть дискуссионной. Структура, по-видимому, может быть выявлена вполне объективно и однозначно, что же касается ее исторической или генетической интерпретации, то последняя неизбежно гипотетична. Мы не будем и эту книгу подвергать специальному разбору. Напомним только, что в нашей фольклористической литературе можно назвать два особенно важных отклика на «Исторические корни волшебной сказки». Первый и наиболее ранний из них — это почти забытая, но, несомненно, достойная занять свое место в истории советской и мировой фольклористической мысли рецензия В. М. Жирмунского, опубликованная в журнале «Советская книга»³². Признавая большое значение книги, рецензент, однако, усмотрел известное преувеличение в стремлении В. Я. Проппа вывести генезис сказки однозначно из обряда инициации. Он напоминает, что подобная идея уже высказывалась П. Сентивом в его исследовании о сказках Ш. Перро (1923). Признавая, что В. Я. Пропп весьма далеко ушел от Сентива в технике и детализации доказательств, В. М. Жирмунский настаивает на том, что обряд инициации объясняет только некоторую часть сюжетов, прежде всего возникновение сюжетов типа quest (герой отправляется на поиски) и, вероятно, также сюжетов, содержащих испытание героя в лесной избушке.

Другим и наиболее значительным откликом явилась книга Е. М. Мелетинского «Герой волшебной сказки» (1958 г.). Е. М. Мелетинский выделяет несколько типов героев: младший брат, падчерица, «лысый паршивец» и др. — и связывает ареалы распространения их, главным образом, с определенными особенностями социальной истории отдельных народов или, может быть, точнее — историко-этнографических областей (миноратное/майоратное наследование и др.). Книга Е. М. Мелетинского развивает и одновременно в известной мере ограничивает универсальность выводов В. Я. Проппа, возбуждает вопрос не только об исторических типах героя, но и самой структуре сказки. Эта идея получила дальнейшую разработку в ряде работ Е. М. Мелетинского, в том числе в его весьма содержательном послесловии ко второму изданию «Морфологии сказки» (с. 134—166), широко известному и в нашей, и в зару-

³² Сов. книга, 1947, № 5, с. 97—103.

бежной фольклористике, а также в его статье «Структурализм и семиотика в СССР»³³.

После выхода в свет «Исторических корней волшебной сказки» В. Я. Пропп начал работать над книгой, которая должна была привести к выяснению генезиса героического эпоса. Предполагалось, что подход к проблеме будет сходным с выработанным уже на материале сказки, т. е. выявление структуры эпоса путем межсюжетных сопоставлений, а затем сравнительно-историческое изучение социально-бытового, ритуального, мифологического и т. д. (т. е. этнографического) субстрата эпоса. Предварительные результаты такого изучения были изложены впоследствии в вводной главе («Эпос в период разложения первобытно-общинного строя»³⁴) книги «Русский героический эпос» (1955 г.). Эта глава придала книге историческую глубину и показала перспективность подобного рода исследований, однако вся книга потеряла историко-сравнительный характер — историко-типологические проблемы глобального масштаба в ней были только намечены. Книга стала исследованием о русском героическом эпосе. Она, действительно, получилась иной, чем задумывалась первоначально. Разумеется, это само по себе еще ничего не говорит о ее достоинствах и недостатках. Не будем углубляться в эти достаточно специальные проблемы, не имеющие прямого отношения к сказковедению. Подчеркнем только, что книга В. Я. Проппа «Русский героический эпос» вошла в историю русской фольклористики как одна из наиболее замечательных работ о русских былинах. К ней примыкает фундаментальная антология «Былины» в двух томах (1958 г.), подготовленная в соавторстве с Б. Н. Путиловым.

И в заключение еще об одной, столь же несостоятельной легенде, связанной с именем В. Я. Проппа. Р. Браймайер и некоторые другие авторы вслед за И. Г. Левиным пишут в некрологах и статьях о В. Я. Проппе, будто он умер непризнанным в своей стране, несмотря на то, что приобрел международную популярность. И. Г. Левин даже сопровождает это утверждение достаточно известной цитатой из Библии: «нет пророка в своем отечестве». Одновременно утверждается (как у И. Г. Левина, так и у Р. Браймайера), что то признание (совершенно, по их мнению, недостаточное), которым он все-таки хотя бы отчасти пользовался в своем отечестве, можно объяснить только его международной славой. Так, внимание к «Морфологии сказки» в Советском Союзе было привлечено якобы английским переводом книги в 1958 г. Будто бы сразу вслед за этим он был избран членом-корреспондентом АН СССР и т. д. Между тем перевод на английский язык «Морфологии сказки» никакой роли в научной судьбе В. Я. Проппа не сыграл, и членом-корреспондентом он, к сожалению, так и не был избран. Не будем возвращаться к вопросам, которые мы уже рассматривали. Нарастающее влияние и первой, и второй книги В. Я. Проппа и в советской, и в мировой фольклористике, а вслед за этим и в филологии, и гуманитарных науках вообще имело свои причины. Об этом мы уже говорили. Что же касается самого В. Я. Проппа, то следует сказать, что последние 20 лет его жизни были не только весьма плодотворными для него как ученого, но и годами его всеобщего признания и славы как в СССР, так и за рубежом. В это время выходят вторыми изданиями его «Морфология сказки» и «Русский героический эпос», книга «Русские аграрные праздники», двухтомное издание былин, трехтомное переиздание сборника А. Н. Афанасьева, том «Лирические песни» в большой серии

³³ Meletinskij E. Structuralism et sémiotique en URSS.— Diogène, v. 73, 1971, p. 94—116; Soviet structural folkloristics/Introduced and edited by P. Maranda. V. 1. Paris: Mouton, 1974, 194 p.

³⁴ См. предварительную публикацию из этого цикла работ — «Чукотский миф и гилацкий эпос» (Научный бюллетень ЛГУ, № 1945, с. 29—30); см. также сб.: Фольклор и действительность, с. 300—302.

«Библиотеки поэта», он издает сборник сказок в записях А. И. Никифорова, сборник избранных фольклористических работ И. И. Толстого³⁵, заведует кафедрой литературы ЛГУ. Аудитории, в которых он читал лекции, едва вмещали желающих. Их посещали не только студенты, но и коллеги В. Я. Проппа. 70-летний юбилей ученого в 1965 г. был подлинным праздником советской фольклористики. Все это говорит о том, что и эта легенда не имеет под собой реальной почвы.

V. YA. PROPP: LEGENDS AND FACTS

V. Ya. Propp's folktale research has gained him world-wide renown. At the same time, his name, his ideas, and his scholarly career have, in the interpretation of some authors who had written about him, become cluttered with legends, which cannot stand up against confrontation with facts. Several such legends are examined in the paper: a) that of V. Ya. Propp's «loneliness» in the 1920ies; b) that of his having, after publishing his «Morphology of the Folktale», renounced his structuralist conception and having only then adopted the historical-genetic method; in reality, his two major books (the one mentioned above and the «Historical Roots of the Fairy Tale») form two parts of a single work conceived in the early twenties; c) that of his having been forgotten in the USSR beginning with the 1930ies and only having attention drawn to him after the first English-language publication of the «Morphology» in 1958; d) that, according to which it was the language barrier that constituted the main obstacle to V. Ya. Propp's gaining popularity in West European countries and the U. S. A.

The author demonstrates the close ties of V. Ya. Propp with Soviet philology in the twenties and shows how it was only natural for his studies to attract especial interest in the fifties, sixties and seventies with the development of systems research in linguistics, literature studies and social psychology, with the rise of semiotics and information theory.

³⁵ См. Библиография трудов В. Я. Проппа. Составил Б. Н. Путилов.— В кн.: Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970).